

СООБЩЕНИЯ

К вопросу об оценке характера национальных движений 30—40-х годов XIX в. в Казахстане

А. Якунин

В оценке характера национальных движений в нашей советской исторической литературе, в специальных исследованиях и в учебниках по истории СССР встречаются рецидивы буржуазного национализма, до сих пор ещё чувствуется тлетворное влияние так называемой школы Покровского, рассматривавшей все национальные движения в XIX в. на окраинах России как движения народные, национально-освободительные и революционные. Так, например, формально, безотносительно ко времени и месту, характеру и преследовавшимся целям освещены национальные движения в Казахстане и Средней Азии в таких книгах, как «История Казахской ССР» (ч. 1-я) под редакцией И. О. Омарова и А. М. Панкратовой и «История народов Узбекистана» (т. II) под редакцией С. В. Бахрушина, В. Я. Цепомнина и В. А. Шишкина. Не делается различия между подлинно народными, национально-освободительными восстаниями трудящихся масс и реакционными, феодальными восстаниями самозванных ханов, султанов и мусульманского духовенства.

Советские историки часто ещё очень поверхностно изучают историю национальных движений, не вникают в существо событий, игнорируют документы и факты, противоречащие заранее установленному шаблону¹. Основной порок подобных исследований состоит в игнорировании конкретно-исторических условий, в которых происходило то или иное национальное движение, в забвении указаний И. В. Сталина о том, что к изучению национальных движений следует подходить, учитывая конкретные условия. «Несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений»².

В своих трудах по национальному вопросу И. В. Сталин учит нас подходить к оценке национальных движений диалектически, с учётом конкретных условий, в которых происходит то или иное национальное

движение: «Национальный вопрос нельзя считать чем-то самодовлеющим, раз навсегда данным. Являясь лишь частью общего вопроса о преобразовании существующего строя, национальный вопрос целиком определяется условиями социальной обстановки, характером власти в стране и, вообще, всем ходом общественного развития»³.

Образец научного подхода к пониманию сущности национального вопроса и оценке национальных движений в различные эпохи общественного развития даёт работа И. В. Сталина «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?». «Всё изменяется... — пишет И. В. Сталин. — Изменяется общественная жизнь и вместе с нею изменяется и «национальный вопрос». В разные времена различные классы выступают на арену борьбы... Следовательно, «национальный вопрос» в разные времена служит различным интересам, принимает различные оттенки в зависимости от того, какой класс и когда выдвигает его»⁴.

В эпоху феодализма существовал дворянский «национальный вопрос», и национальное движение в это время шло под флагом феодально-монархического национализма; в эпоху развития капитализма на первый план выдвигается «национальный вопрос» буржуазии, и национальное движение носит буржуазно-националистический характер; наконец, появляется новый «национальный вопрос» — «национальный вопрос» пролетариата.

Вскрывая особенности национального вопроса в различные эпохи, Ленин и Сталин указывают, что национальные движения, возникающие в эти эпохи, неодинаковы, что они бывают прогрессивными, национально-освободительными и реакционными, националистическими. Последние не только не являются шагом вперёд в развитии классового самосознания трудящихся масс, а, наоборот, задерживают его проявление.

В Средней Азии и Казахстане в XIX в. имели место и массовые, народные, национально-освободительные движения и движения феодально-монархические, реакционные.

¹ См. М. Багиров. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. Журнал «Большевик» № 13 за 1950 год.

² И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 143.

³ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 155.

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 32.

Борьба казахского и киргизского народов против джунгар-калмыков в XVIII в. и против агрессии феодального Китая и среднеазиатских ханств в XIX в. была прогрессивной борьбой за национальную самостоятельность. Народными национально-освободительными движениями являлись направленные против феодального гнёта ханов и султанов и против колониальной политики русского царизма восстания казахов под руководством Срыма Датова, Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Реакционными, феодально-монархическими движениями были движения, возглавлявшиеся султанами и лжеханами. К ним относятся феодально-монархические «восстания» ханов Арынгазы, Каратая, Габайдулы, Каипа-Галия Ишимова, султанов Саржана Касымова, Кенесары Касымова, авантюриста Садыка Кенесарина. Реакционными были в среднеазиатских ханствах восстания джетымханов — лжеханов — в 30-х годах XIX в., происходившие под реакционным лозунгом «газавата» (священной войны против «неверных», т. е. русских), и Андижанское восстание 1898 года.

Следует иметь в виду, что национальные движения в Казахстане и в Средней Азии в XIX в. происходили в период присоединения Казахстана к России, в период завоевания Средней Азии русским царизмом. Это было время ожесточённой борьбы между Россией и Англией за обладание Средней Азией. Этим в известной степени и объясняется значительный подъём национального движения в Казахстане и Средней Азии в XIX в. по сравнению с XVIII веком.

Начало присоединения Казахстана к России относится к XVIII в., когда хан Малой Орды Абулхайр вопреки сопротивлению султанов признал себя вассалом России. Принятие подданства России вызывалось необходимостью искать защиты от джунгар-калмыков и среднеазиатских ханств у более могущественной державы.

Подданство казахов России было лишь номинальным. Была сохранена власть ханов и султанов, оставалась почти не затронутой экономика, хозяйство. Казахи платили царскому правительству ясак, собираемый ханами. С принятием младшим жузом подданства России уничтожалась опасность захвата и порабощения Казахстана соседними отсталыми государствами; с другой стороны, открывалась перспектива широкого развития экономических и культурных связей Казахстана с более передовой Россией.

Присоединение Казахстана к России имело, таким образом, объективно-прогрессивное значение. В письме Энгельса к Марксу от 23 мая 1851 г. говорится, что «господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁵. На объективно-прогрессивное значение включения экономики Казахстана в экономическую жизнь России указывали также Ленин и Сталин. Однако это ни в коей мере не означает оправдания колонизаторской, за-

хватнической политики царизма. Захват Казахстана и превращение его в колонию Российской империи осуществлялись в XIX в. в связи с развитием капиталистических отношений в России.

Ленин неоднократно указывал, что царизм вначале осуществлял политическое завоевание, а потом экономическое освоение завоеванных земель. В 1822 г., по предложению Сперанского, царское правительство ввело в Средней Орде «Устав о сибирских киргизах». На основании этого устава в Казахстане ликвидировалась ханская власть. Управление казаками было передано в руки окружных приказов, возглавлявшихся двумя султанами-правителями и царскими чиновниками. Уничтожалось рабство, ограничивался суд биев, наиболее важные уголовные и политические преступления передавались на рассмотрение в русский суд. Разбирательство мелких уголовных преступлений и исков оставалось за судами биев, действовавшими на основе адата. Устав поощрял переход казахов к земледелию и оседлости, к развитию промыслов. Вводилось медицинское обслуживание и обязательное оспопрививание. Вместе с тем царское правительство стало распоряжаться землями казахов, как своей собственностью. На них строились крепости и города, создавались казачьи поселения.

С установлением новой системы управления стали развиваться и крепнуть экономические, торговые и культурные связи Казахстана с Россией. С развитием товарно-денежных отношений в казахском обществе усилилась классовая дифференциация, углубились классовые противоречия, обострилась классовая борьба. Большую роль в казахском обществе стало играть байство.

Ярким проявлением обострения классовой борьбы в Букеевской Орде явилось национально-освободительное по своему характеру крестьянское восстание казахов в 1836—1838 годах. Причинами восстания были произвол и насилие, чинимые над казахским крестьянством Джангер-ханом и его шурином Караул-ходжой, а также захваты земель и пастбищ у казахов царским правительством, усиление феодально-колониального гнёта.

Ещё в 1827—1829 гг. недовольством казахских крестьянских масс пытался воспользоваться в своих целях султан Каип Галий Ишимов, мечтавший стать ханом казахов Букеевской Орды и Малого жуза. Его поддерживал в этом стремлении хивинский хан. Ишимов призывал казахов уйти за реку Урал и откочевать в Хиву. Его призыву последовало лишь небольшое число казахов — всего 1 887 кибиток. В 1829 г. Ишимов был арестован и посажен в тюрьму, из которой в 1830 г. бежал в Хиву, где поступил на службу к хивинскому хану.

Восстание казахов Букеевской Орды в 1836—1838 гг., проходившее под руководством старшины Исатая Тайманова и поэта Махамбета Утемисова, охватило всё казахское население Букеевской Орды. Антифеодальный и антиколониальный, национально-освободительный характер этого восстания

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 211.

не вызывает сомнений. Исатай и Махамбет призывали народ к уничтожению ханской власти и феодалов, к ликвидации национально-колониального гнёта царизма. Они мечтали о завоевании «свободной жизни» без ханов и султанов. Программа и цели движения были изложены Махамбетом в его воззваниях к народу:

Что толку народу от тронов золотых,
Что толку народу от ханов лихих,
Если для немощных и бедняков
Нет справедливости, правды у них? ⁶

Махамбет призывал народ уничтожить ханов и султанов, захватить в свои руки землю и установить на ней порядки, соответствующие интересам народа:

Как я хотел бы свой меч обнажить,
Грудю увидеть мёртвых голов,
Слышать предсмертный верблюжий рёв
Ханов, что бедный народ томят,
Биев, что брюхо себе растят!
Как я хотел бы средь волжских лугов
Вольной толпой народ расселить,
Как я хотел бы скотом наводнить,
Волга, просторы твоих берегов! ⁷

Крестьянские массы Букеевской Орды храбро сражались против царских войск, громили султанские и байские кочевья, угоняли их скот. На первом этапе восстания ярко проявился его классовый, антифеодальный характер. В рядах восставших не было ни одного султана, ходжи или тархана. Когда же в борьбу вмешалось царское правительство, пославшее свои войска на защиту Джангер-хана и казахских феодалов, восстание стало движением антиколониальным. Если бы не помощь царского войска, то Джангер-хан и сбежавшие в ханскую ставку и засевавшие там под охраной небольшого отряда казаков казахские султаны были бы перебиты.

Первое поражение повстанцы потерпели в бою с царскими войсками на урочище Тас-Тюбе 15 ноября 1837 г. и вынуждены были отступить и уйти за реку Урал, в пределы Малой Орды. Здесь к восстанию Исатая стали примыкать султаны родов шекты, табын и адай. Из Хивы явился Каип Галий Ишимов и стал склонять Исатая к союзу с Хивой. Он провозгласил себя ханом западных казахов. Под влиянием Ишимова Исатай призывал казахов к борьбе против России под реакционным лозунгом «газавата» и предлагал подчиниться власти хивинского хана, как «правоверного» мусульманского владетеля. Исатай, таким образом, принял, по существу, другую программу и стал на реакционный путь борьбы. Трудящиеся же казахские массы не хотели признавать власти хивинского хана. Движение начало распадаться.

Так восстание казахов Букеевской Орды, начавшись как крестьянское антифеодальное движение, с присоединением к нему султанов и биев из прогрессивного превра-

тилось в реакционное, националистическое, феодальное движение.

В июле 1838 г. отряд Исатая, объединивший к этому времени многих султанов, биев и старшин, был разбит у речки Ак-Булак. Исатай Тайманов погиб в бою, Махамбет и Каип Галий Ишимов бежали в Хиву. Восстание было ликвидировано.

После подавления восстания царское правительство уничтожило ханскую власть и в Букеевской Орде. Ликвидация ханской власти и лишение казахской аристократии — султанов-чингизидов — феодальных привилегий, естественно, вызвали среди них недовольство. Царское правительство сочло для себя невыгодным и опасным привлекать их к управлению казахами. Оно предпочитало иметь дело не с султанами-чингизидами, а с байством — богатыми, но неродовитыми феодалами.

В качестве новой социальной группы байство вполне оформилось и приобрело общественное значение как класс к началу XIX века. Оно выделилось из наиболее состоятельных и предприимчивых казахо-скотоводов, эксплуатировавших своих одноаульцев-крестьян, используя для этого наряду с силой своего богатства и денег феодальные и родовые обычаи и традиции.

Появление этой социальной группы связано с развитием товарно-денежных отношений в казахской степи: байы занимались не только скотоводством, но и торговлей, ростовщичеством и промыслами. Их быстрому обогащению и укреплению их общественного значения и влияния содействовало развитие экономических и торговых связей Казахстана с Россией. Помехой служила казахская феодальная аристократия — ханы и султаны с их постоянными набегами, грабежами, феодальными войнами. Отсюда заинтересованность байства в создании единого управления, сильной политической власти, охраняющей частную собственность и содействующей развитию торговли.

Царское правительство поняло, что в осуществлении его колониальной политики байство могло служить более надёжной опорой, чем султаны и ханы. Понятно в связи с этим, почему казахская аристократия — султаны-чингизиды — выступала в XIX в. против присоединения Казахстана к России, против всех реформ и мероприятий царского правительства, направленных к превращению Казахстана в колонию.

Используя недовольство трудящихся масс притеснениями царских чиновников, введением новых налогов и повинностей по постройке укрепленных линий и крепостей, изъятием земель и пастбищ под казачьи поселения и строительство городов, султаны стали выдвигать лозунги «общенациональной» борьбы за независимость, за отторжение Казахстана от России и восстановление ханской власти, за возврат к старым порядкам. Однако, не будучи уверены в поддержке масс и возможности победы над Россией, они искали помощи и поддержки у ханов Хивы, Коканда, Бухары. Национальные движения XIX в. в Казахстане и Средней Азии, возглавляемые султанами и лжеханами, носили характер феодально-монархических

⁶ «История Казахской ССР». Т. I, стр. 259. Алма-Ата. 1949.

⁷ Там же.

движений. Таким ярко выраженным феодально-монархическим движением было движение султана Кенесары Касымова, внука хана Средней Орды Аблая.

И. В. Сталин, характеризуя аналогичные движению Кенесары феодально-монархические движения в Грузии в XIX в., писал: «После «присоединения Грузии к России» — грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которое оно имело при грузинских царях, и, считая «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало «освобождения Грузии». Этим оно хотело поставить во главе «Грузии» грузинских царей и дворянство и передать им, таким образом, судьбу грузинского народа! Это был феодально-монархический «национализм»⁸.

Стремясь добиться восстановления своих привилегий и ханской власти, султаны Средней Орды, потомки Аблай-хана, начали против России вооружённую борьбу, силой вовлекая в неё феодально-зависимое население. Их конечной целью было восстановление ханской власти, отторжение Казахстана от России. Таким образом, борьба сыновей и внуков Аблай-хана, султанов Касымовых была не чем иным, как проявлением феодально-монархического национализма, о котором писал И. В. Сталин.

Борьбу за восстановление ханской власти начали старший брат Кенесары Касымова — Саржан и отец — Касым. В 1824 г. с целью вынудить царское правительство восстановить ханскую власть и признать ханом одного из Касымовых они организовывали нападения на торговые русские караваны, на русские города и укрепления. При этом они силой принуждали присоединяться к ним казахские роды, разоряя сопротивлявшихся.

В бумагах казахского просветителя-демократа Чокана Валиханова мы находим такую запись: «Вслед за тем (речь идёт об уставе Сперанского, отменившего ханскую власть.— А. Я.) обнаружилось и сопротивление распоряжениям со стороны некоторых султанов, нашедших новый устав весьма стеснительным для своеволия, к которому они издавна привыкли. Во главе всех беспокойных стало семейство Касыма Аблайханова, которое по богатству, по родственным связям и по предприимчивости своей обладает огромным влиянием на умы киргизов и почитает происхождение своё от хана Аблая, [как] законное право на верховную власть над всею Среднею Ордою»⁹.

Однако трудящиеся массы казахов Средней Орды не поддержали султанскую затею. Тогда Саржан обратился за помощью к китайскому правительству; не получив помощи от Китая, он перешёл на сторону кокандского хана, «отдав ему свой скот, душу и тело». Рассчитывая с помощью кокандского хана установить свою власть над

казахами, Саржан объявил «газават». В течение пяти лет он с отрядами войска кокандского хана нападал на казахские аулы и грабил их. В цитированном выше документе мы читаем: «Саржан, пользуясь... замыслами хана кокандского на обладание Среднею Ордою, в течение целых пяти лет делал с ташкентцами набеги на степь»¹⁰.

В 1836 г. Саржан, заподозренный кокандским ханом в измене, был казнён. Так потерпела неудачу попытка семьи Касымовых восстановить ханскую власть при помощи кокандского хана. Однако Касымовы не оставили своих замыслов и после гибели Саржана. В 1837 г. борьбу против России начал брат Саржана — Кенесары Касымов. Его поддерживали хивинское и бухарское ханства. На съезде султанов-чингизидов Кенесары был провозглашён «всеказахским» ханом, при этом был совершён обряд избрания: Кенесары подняли на белой кошме. Была принесена в жертву белая кобыла.

Феодально-монархический, реакционный характер движения Кенесары подтверждается многочисленными архивными документами и самой «программой» Кенесары, если можно её так назвать. Однако вопреки этим документам в учебниках «История СССР» и «История Казахской ССР» (ч. I-я) движение Кенесары рассматривается как движение национально-освободительное, антиколониальное.

Наиболее полно и ярко выражены идеализация и апологетика этого феодально-монархического движения в монографии Е. Бекмаханова «Казахстан в 20—40-е годы XIX века»¹¹. Автор представляет это движение как «народное» и даже «революционное». «В специфических условиях Казахстана в 20—40-х годах 19 века,— пишет Бекмаханов,— революционная борьба трудящихся была направлена одновременно против царизма и его верных союзников, казахских феодалов. Эта простая истина отчётливо доказывается на примере всех массовых национально-освободительных движений 20—40-х годов, начиная от движения Жаломана Тленчиева и кончая могучим восстанием Кенесары»¹². И далее: «Восстание Кенесары, носившее ярко выраженный антиколониальный массовый характер, сыграло прогрессивную роль в истории казахского народа. Оно явилось великолепной школой политического воспитания масс»¹³. Идеализируя феодально-монархическое движение Кенесары, сознательно извращая исторические факты, Бекмаханов стремится поднять Кенесары на щит как национального героя, как борца за свободу и независимость казахского народа.

В идеализации ханского националистического движения Бекмаханов неоригинален. Повторяя зады алаш-ордынцев, он пытается протащить в нашу советскую историческую литературу контрреволюционные взгляды

¹⁰ Там же, № 3.

¹¹ Е. Бекмаханов. Казахстан в 20—40-е годы XIX века. Под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата. 1947.

¹² Там же, стр. 350.

¹³ Там же, стр. 360.

⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 32.

⁹ Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, № 22/2, л. 2.

партии алаш-орды. Не случайно наиболее «ценными» источниками для изучения движения Кенесары Бекмаханов считает сочинения бывших лидеров алаш-орды — Букейханова и Асфендиарова. На протяжении всей своей книги Бекмаханов старается доказать, что движение Кенесары было общенародным, охватившим якобы казахское население всех трёх жузов. То же самое он повторяет в «Истории Казахской ССР» (ч. 1-я, стр. 278). Это утверждение перенесено также в учебник истории СССР для средней школы (ч. 2-я, под ред. А. М. Панкратовой). Здесь на стр. 189 сказано, что движение Кенесары «подняло на борьбу казахов всех трёх жузов», т. е. всего Казахстана. Между тем утверждение это абсолютно неправильно!

Кенесары не встретил сочувствия и поддержки ни в Малой, ни в Большой Орде. Более того, не поддержали его и народные массы Средней Орды. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что трудовое казахское население Средней Орды не только не желало примыкать к Кенесары, а, наоборот, целыми родами поднималось на борьбу с ним. В одном из документов читаем: «Бунту, возбуждённому Кенесарой Касымовым, не было в степи сочувствия, шайки Кенесары составлялись из удальцов разных родов с целью грабежа. Не только отдельные роды киргизов, но и отделения их в целом составе власти Кенесары не признавали»¹⁴.

Урядник второго полка сибирского линейного казачьего войска Лобанов, несколько лет находившийся в плену у Кенесары, рассказывал, что в течение этого времени с Кенесары кочевало от семидесяти до ста аулов — пять — десять юрт в каждом ауле. Вместе с женщинами и детьми это составляло не более трёх с половиной тысяч человек. Далее Лобанов указывал, что «отложившиеся волости Акмолинского округа кочевали отдельно от Кенесары, так как отказались участвовать вместе с Кенесарой в набегах против русских, за что Кенесара подвергал их грабежу и разорению. Кенесара не имел достаточных сил»¹⁵. Точно такие же сведения сообщил вернувшийся из плена урядник А. Иванов¹⁶.

Вице-канцлер Нессельроде в своём письме военному министру Чернышёву 4 октября 1843 г. писал: «Нет сомнения, что многие из киргизских родов остаются на стороне Кенесары против их воли и единственно из боязни его мщения»¹⁷. Оренбургский генерал-губернатор Обручев писал, что «сочувствием и поддержкой среди киргизов Средней Орды Кенесары Касымов не пользовался, и если некоторых из них Кенесары успел привлечь к себе, то на короткое время»¹⁸.

Вопреки этим фактам Е. Бекмаханов утверждает, будто движение Кенесары было общенародным, будто в нём принимали участие все социальные слои казахского общества, от султанов-чингизидов и родовой аристократии до кара-букары, т. е. простого народа. Этим утверждением стираются классовые грани в патриархально-феодальном казахском обществе того времени, снимается вопрос о классовой дифференциации и классовых противоречиях, смазывается классовая борьба. Получается, что различные социальные группы и классы под руководством Кенесары единым фронтом выступали против колонизаторской политики царизма и феодальной агрессии среднеазиатских ханов. Эта теория «единого потока» нужна Бекмаханову для того, чтобы доказать, будто движение Кенесары было общенародным, национально-освободительным. Однако доказать это он не в состоянии. Впадая в противоречие с самим собой, он вынужден признать, что основной движущей силой движения Кенесары были султаны, родовая знать, торговцы, что эта знать «пошла за Кенесарой вместе со своими феодальными дружинами и осталась верной ему до конца. Это были главным образом ближайшие родственники самого Кенесары»¹⁹. Через страницу читаем: «Кроме них среди приверженцев были оппозиционные царизму султаны и бии, лишившиеся после введения Устава о сибирских киргизах 1822 г. своих привилегий. К восстанию примыкала также родовая знать»²⁰. Этим составом участников движения и определяется его феодально-монархический характер, и Бекмаханов не может этого отрицать. Он пишет: «Участие в восстании отдельных родовитых биев и крупных феодалов наложило серьёзный отпечаток на весь ход восстания»²¹.

Стремясь вовлечь в борьбу против России казахских крестьян, Кенесары применял методы террора, запугивания и обмана, силой вынуждая крестьян откочёвывать от русских укреплений в степь. Он разорял аулы, не желавшие подчиняться ему и признавать его ханом, истреблял в них не только мужчин, но и женщин и детей. Так был почти поголовно истреблён многочисленный казахский род жаппас, чиклинский и другие роды. Трудовое казахское население не только не поддерживало Кенесары, а, наоборот, часто поднималось на вооружённую борьбу с ним. Кенесары сам жаловался оренбургскому генерал-губернатору Перовскому, что казахи Назаровского, Тляукабакского и Карабашевского отделений «постоянно нападают на него и ведут войну»²².

Вопреки этим фактам Бекмаханов старается доказать, будто Кенесары нападал не на трудовое казахское население, а на султанов, состоявших на службе у царского правительства. В действительности же эти

¹⁴ Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), ф. ВУА, д. 6812, л. 115—118.

¹⁵ А. Серебрянников. Материалы для истории завоевания Туркестанского края. Т. I, стр. 223—224. СПб. 1914.

¹⁶ Там же. Т. III, док. 1, стр. 50—52.

¹⁷ Там же, док. 56, стр. 202.

¹⁸ Там же, док. 25, стр. 145.

¹⁹ Е. Бекмаханов. Указ. соч., стр. 186.

²⁰ Там же, стр. 188.

²¹ Там же.

²² А. Серебрянников. Указ. соч. Т. IV, док. 21, стр. 134.

султаны первыми примкнули к Кенесары. Так, к нему примкнули заседатель Баянаульского окружного приказа Тайджен Азнабаев, старший султан Кокчетавского округа подполковник Габайдулла Валиханов и др. По приказу омского генерал-губернатора Горчакова военный суд приговорил Азнабасва за измену к расстрелу. Расстрелять Азнабаева Горчаков распорядился «в присутствии султанов наименее благонадежных»²³. А Габайдулла Валиханов был приговорён к ссылке.

Стремление Бекмаханова представить феодально-монархическое движение Касымовых как народное и национально-освободительное приводит к прямому извращению истории, к идеализации султана Кенесары, что противоречит требованиям марксистско-ленинской исторической науки, рассматривающей историю общества как историю борьбы классов. Бекмаханов не видит классовой дифференциации и классовой борьбы в казахском обществе того времени. Его монография написана не с марксистских, а с буржуазно-националистических позиций. Этим объясняется идеализация хана Кенесары как народного героя, мудрого государственного деятеля, дипломата и талантливого полководца, боровшегося якобы за создание свободного, независимого централизованного государства.

Многочисленные документы и архивные источники полностью опровергают эти утверждения Бекмаханова. Ничего народного и прогрессивного в деятельности Кенесары не было. Он стремился восстановить ханскую власть и средневековые порядки своих дедов и прадедов, любой ценой оторвать Казахстан от России, хотя бы ценой сделки со среднеазиатскими ханами, всемерно поддерживавшими Кенесары.

Вопреки фактам Е. Бекмаханов утверждает, будто Кенесары не пользовался поддержкой среднеазиатских ханов, а вёл борьбу на два фронта — с царской Россией, с одной стороны, и с Хивой и Кокандом — с другой²⁴. Стремясь представить Кенесары прогрессивным деятелем и реформатором, борцом за свободу и независимость казахов, Бекмаханов пишет: «Кенесара не придерживался лозунга «газавата» — священной войны против «неверных», так усиленно пропагандировавшегося среднеазиатскими ханами и духовенством»²⁵. В действительности каждое воззвание или письмо Кенесары к казахским султанам и биям представляло собой призыв к священной войне против русских.

Просто поразительным является отрицание связи Кенесары с Хивой и Бухарой. На существование этой связи имеются совершенно определённые указания даже в работе Н. Середы «Бунт киргизского султана Кенесары Касымова», которую Бекмаханов считает «наиболее полной, богатой фактическими данными и максимально для историка времени царизма объективной рабо-

той»²⁶. «Хивинский хан, — пишет Середа, — хитрил перед нашим правительством, и, явно уверяя в своей дружбе к русскому царю, он вместе с тем не переставал тайно возбуждать кайсаков противу России и желал присоединения киргизских орд к Хиве... действуя на ордынцев через Кенесару»²⁷.

«Главную виновницу киргиз-кайсацких смут искони была Хива»²⁸. Кто же «объективнее» описывает события: оренбургский городской голова Середа или Бекмаханов, считающий себя историком-марксистом?

Явной фальсификацией являются утверждения Бекмаханова о «реформах» Кенесары: судебно-правовой, государственного аппарата и т. д. В действительности никаких реформ Кенесары не проводил. Он полностью сохранил адат и средневековые патриархально-феодальные отношения, родовую вражду и барамту. Казахский скот и имущество подвластных крестьян он рассматривал как свою собственность и жестоко расправлялся с крестьянами, которые отказывались признавать его ханом и платить ему зякет.

Бекмаханов утверждает, что «деятельность Кенесары способствовала изжитию родовой вражды и внесла серьёзные изменения в обычное право казахов, придав ему значение общегосударственного права»²⁹. В действительности же Кенесары старался всемерно разжигать межродовую рознь, натравливая один род на другой, поощрял барамту, которую Бекмаханов почему-то называет «реквизициями». В этом отношении Кенесары поступал в полном соответствии с завещанием своего деда Аблая, которого, как отмечает сам Бекмаханов, Кенесары с детства любил, считая себя продолжателем его дела³⁰. Весьма показателен, писал казахский просветитель Чокан Валиханов, «наказ его детям, который обнаруживает общий характер его тамерлановской политики: он (Аблай) советует им никогда не решать вполне международных дел киргизских племён, ибо только несогласия и раздоры могут быть незыблемой опорой ханской власти»³¹.

Хищные шайки есаулов и теленгутов Кенесары рыскали по степи, нападая на мирные аулы, разоряя их, угоняя скот, истребляя людей. Так, разорению подверглись казахские роды табын, аргын, кипчак и др. Целые районы Северного и Центрального Казахстана были опустошены хищническими набегами Кенесары, тысячи хозяйств были оставлены без крова и скота и обречены на голодную смерть.

В делах Оренбургской пограничной комиссии, хранящихся в Историческом архиве Казахской ССР, имеется масса сообщений

²⁶ Там же, стр. 77.

²⁷ Журнал «Вестник Европы», кн. 8-я за август 1870 г., стр. 553.

²⁸ Там же, стр. 543.

²⁹ Е. Бекмаханов. Указ. соч., стр. 286.

³⁰ См. там же, стр. 205—206.

³¹ «Известия Русского географического общества» (ИРГО). Т. XXIX. «Записки» Чокана Валиханова, стр. 6—7.

²³ Там же. Т. I, стр. 98—99.

²⁴ См. Е. Бекмаханов. Указ. соч., стр. 189.

²⁵ Там же, стр. 192.

о насилиях, грабежах и разбоях шаек Кенесары. Вот некоторые из этих сообщений: «Султан Кенесара разграбил 120 аулов киргизов Яппасского рода разных отделений. Большая часть из них в совершенном изуровании и без одежды пришла в Аргыны. Аргышцы стали принимать к себе в дом бедных, ограбленных яппасцев и кто чем мог помогать»³². Переводчик Батыршин сообщал 29 мая 1845 г. Оренбургской пограничной комиссии: «На Чагане люди торгового каравана встретили аулы Чомичли — табынцев, на Темире — кабаковцев, на Илеке — чомекесцев. Аулы табынского рода они нашли в самом жалком положении: они разбиты дюрткаринцами, приверженцами Кенесары, у них угнан весь скот, убит один киргиз, много раненых»³³. «Близ речки Аяты на урочище Аю-Джалагане у киргизов кипчаковского рода хищники, в числе ста человек, угнали 500 лошадей 14 июля ночью. Потом, 15 июля ночью, у киргизов жаппасского рода, унгутского отделения на озере Карача, угнано 450 лошадей. Угоны произведены племянниками Кенесары, султанами Ирджаном и Худайменды Саржановыми»³⁴. Все эти набеги заканчивались не только грабежами, но и жестокими издевательствами над мирным населением.

А Бекмаханов характеризует Кенесары как «гуманного к людям» хана!³⁵. Этот «гуманный хан» применял по отношению к «непокорным» казахским родам самые варварские, садистские методы устрашения. Так, например, «Кенесара приказал у захваченного в плен батыра Бабыра вырезать филейные части и обжарить их, скормить ему же».

Возрождая средневековые нравы, Кенесары восстановил рабство, забирал к себе в наложницы казахских девушек. Он открыл торговлю рабами со среднеазиатскими ханами, продавая в рабство русских пленных. В одном из донесений в Оренбургскую пограничную комиссию мы читаем: «Мятежник Кенесара в октябре месяце 1844 года прислал хивинскому хану в подарок одного русского казака, имя ему Афанасий, который захвачен на Сибирской линии не более году, теперь находится в Хиве. Хан отдал Кенесару — одну саблю, до 15 ружей и два аргмака. В одно время Кенесара послал бухарскому эмиру тоже одного русского»³⁷. Казах шектинского рода И. Юсупов доносил Оренбургской пограничной комиссии, что Кенесары «послал от себя киргизов в Хиву и Бухару, с двумя в каждую пленными русскими. Кроме того, хивинского и бухарского ханов просил о присылке пушек и шахмалов. Хивинский хан принял пленных и посланного Кенесары выпровожи-

дал с одним хивинцем к Адаевцам, сыскать там место под кочевья Кенесары»³⁸.

Тесные связи с враждебными России и Казахстану хивинским ханом и бухарским эмиром Кенесары завязал для того, чтобы при содействии среднеазиатских ханов добиваться отторжения Казахстана от России. «Султан Кенесара, — писал Середа, — видел спасение Кайсацкой вольности лишь в соединении киргизских орд с Хивою. Он был уверен, что, приняв звание хана кайсацких орд от хивинского владельца, он будет лишь его вассалом, платя Хиве незначительную дань (зьякет) и помогая войсками в случае войны. Кенесара надеялся играть во всем остальном роль самостоятельного властителя... Вполне оценив выгоду слияния орды с Хивою, Кенесара настойчивее своих приспешников через своих агентов распространял в киргизах прокламации, призывающие ордынцев отложиться от России и признать свою зависимость от единоверных им — хивинских ханов»³⁹.

Ориентируясь на Хиву, Кенесары неоднократно просил хивинского хана «собрать и послать войска для удаления русских» из Казахстана. Хивинский хан, подстрекая Кенесары выступить войной против России, посылал ему оружие и порох «для борьбы против неверных»⁴⁰. Обещая поддержку Кенесары, хивинский хан Алла-Кул хотел, чтобы казахские султаны и баи сами начали борьбу против России, не ожидая ханских войск. Это ясно видно из воззвания Алла-Кула к казахам: «Мы послали Мусульман-бая для собрания из победоносного нашего воинства некоторой части войска, которую назначаем против русских. В случае надобности, по желанию всевышнего бога, мы и сами движемся с бесчисленным своим войском, с богатырским мечом в руке. Но прежде, нежели мы сами подвинемся, все вы, знаменитые мои подданные батыри и родоначальствующие, с оружием в руках совокупитесь вместе и окажите надлежащую помощь и должную услугу»⁴¹. Стремление хивинского хана расширить своё влияние на Казахстан путём поддержки Кенесары не было случайным. Оно вызывалось намерением не допустить дальнейшего продвижения русских войск к границам Хивы, не допустить присоединения к России казахских земель, подвластных Хиве.

Воинственный пыл хивинского хана подогревался английскими колонизаторами, замышлявшими создание под эгидой Англии антирусской «коалиции среднеазиатских ханств» (Хива, Бухара, Коканд). Именно с 30—40-х годов XIX в. начинается острая борьба между Россией и Англией за влияние на Среднюю Азию. Поход Перовского в Хиву в 1839 г. с целью «наказать хивинского хана за грабёж русских караванов» вызвал в Англии большую тревогу. Англий-

³² Исторический архив Казахской ССР, ф. 4, оп. I, д. 2757, св. 242, № 243. 1845 год.

³³ Там же, д. 2756, св. 242, № 786. 1845 год.

³⁴ Там же, № 772. 1846 год.

³⁵ Е. Бекмаханов. Указ. соч., стр. 213.

³⁷ Исторический архив Казахской ССР, ф. 4, д. 2757, л. 90.

³⁸ Там же, л. 249.

³⁹ «Вестник Европы», кн. 8-я, август 1870 г., стр. 559.

⁴⁰ Исторический архив Казахской ССР, ф. 4, оп. I, св. 242, л. 64. 1845 год.

⁴¹ А. Серебряников. Указ. соч. Т. II, док. III, стр. 188—189.

скому правительству и его Ост-Индской компании мерещилась опасность похода русских войск через Среднюю Азию в Индию. Царское правительство старалось успокоить Англию на этот счёт. Именно в это время Нессельроде выдвинул теорию создания «буфера», или предохранительного «пояса», который должен был отделить русские владения в Средней Азии от английских в Индии. Английское правительство посылало своих агентов и офицеров в Хиву, Бухару и Коканд для организации военного сопротивления царским войскам. Барон Бруннов (посол в Англии) советовал царскому правительству не обращать внимания на английские проiski и протесты и предлагал повторить поход Перовского на Хиву: «Будьте совершенно покойны, — писал он 31 января (12 февраля) 1840 г., — лишь бы только Перовский сделал своё дело: пусть он прогонит хана, или повесит его, или выпорот плетьюми — всё равно он поступит отлично, и никто вам в этом мешать не может. Только умоляю вас, предпочтите факты писанию. Эти писания в настоящее время, даже в Европе, очень мало имеют значения. Ещё меньше стоят они в Азии»⁴².

Центром среднеазиатской коалиции англичане наметили Хиву. Хивинский хан шёл навстречу этим замыслам англичан. Кенесары с его стремлением отторгнуть Казахстан от России, его борьба против России как нельзя больше устраивали и англичан и хивинского хана.

В Хиву прибыл из Герата английский агент капитан Аббот с отрядом индийских туземных войск. Хан Алла-Кула оказал ему хороший приём. Аббот собрал в урочище Ак-Тау совещание казахских султанов и туркменских старшин. Здесь он был окружён и схвачен русским отрядом. Сообщая об этом, пограничный начальник писал: «Если эмиссары английские нашли средство войти в доверенность горских народов Кавказа, то здесь им будет это несравненно легче и успехи их будут значительнее»⁴³.

О деятельности английских агентов в Хиве, Бухаре и Коканде повествуют многочисленные архивные документы. Достаточно перелистать сборник архивных материалов, составленный А. Серебрянниковым. Агенты Англии были не только в среднеазиатских ханствах, но и в Оренбурге. С начала 30-х годов там была учреждена английская евангелическая миссия, которая занималась шпионской деятельностью, устанавливала связи с казахскими султанами и среднеазиатскими ханами. Царское правительство выслало эту миссию в Англию. Генерал Терентьев писал: «Открыто было, что цели миссии были несколько иные, чем проповедь слова божия, и потому терпеть её долее было опасно. Если теперь каждая наша мера по отношению к Средней Азии вызывает целую бурю в английском обществе и журналисти-

ке, то можно себе представить, как кричали англичане в 38 и 39-м годах».

В 1839 г. английская агентура в Персии и Афганистане до того обнаглела, что вышла «далеко за пределы благоразумия и осторожности». Англичане захватили Кабул, Кандагар, Газни и затем сажали на престол в Афганистане своих ставленников; «во все среднеазиатские ханства посланы были агенты для возбуждения их против России»⁴⁴. В эти годы английское правительство ввело свои войска в Афганистан и готовилось к открытой войне против России.

Выезжали английские агенты и в казахскую степь, призывая казахов к войне с Россией, однако казахское население относилось враждебно к агитации англичан. Более того, оно выражало недовольство тем, что царские власти якобы идут на уступки хивинскому хану, позволяют ему собирать с казахов зякет и другие налоги.

В Хиве к русскому купцу Дееву подошёл казах чурековского рода и спросил Деева, верно ли, что русские уступают реку Эмбу хану хивинскому. Деев ответил, что не знает этого. Казах понял этот уклончивый ответ как подтверждение правильности этой версии и сказал Дееву: «Зачем отдаёте нашу землю хану и за кого вы нас считаете? Разве мы кузнечики, а не русские подданные?»⁴⁵.

В нашем распоряжении имеются многочисленные документы за подписью Перовского, Ханыкова, Горчакова, русского посла в Хиве Никифорова и др., указывающие на связи Кенесары с Хивой и Бухарой. Так, например, в донесении военному министру Чернышёву Перовский писал в январе 1839 г., что Касым и Кенесары вместе с хивинцами ведут усиленную агитацию среди казахов, что от имени хивинского хана по орде рассылаются «возмутительные письма», в которых они призывают казахов отделиться от России и откочевать из её пределов. В этом донесении Перовский развивал мысль о необходимости положить конец хивинской агрессии против казахов. Он указывал, что нельзя дать Хиве превратиться «во вторую Зюнгарию половины 18 века»⁴⁶. Перовский пытался оторвать Кенесары от Хивы, заводил с ним дипломатические переговоры, обещал ему всякие милости и льготы от царя. Иную позицию по отношению к Кенесары занимал сибирский генерал-губернатор Горчаков. Он осуждал тактику Перовского и требовал решительных действий против Кенесары. Горчакову удалось вытеснить Кенесары из Средней Орды.

Незадачливый администратор и дипломат, оренбургский генерал-губернатор Перовский превозносится Бекмахановым как либеральный и прогрессивный деятель. Зато всячески охаивается Горчаков. Бекмаханову, очевидно, неизвестно, что Перовский был близок к Николаю I, являлся его личным адъютантом, что он был ярким реакционером. Перовский принимал участие

⁴² Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключённых с иностранными державами. Т. XII, стр. 162. СПб. 1880.

⁴³ А. Серебрянников. Указ. соч. Т. II, стр. 142. 1914.

⁴⁴ Там же. Т. III, стр. 130.

⁴⁵ Там же. Т. I, стр. 30—32.

⁴⁶ М. Терентьев. Россия и Англия в борьбе за рынки, стр. 250. СПб. 1867.

в подавлении восстания декабристов. Т. Г. Шельченко справедливо называл Перовского сатрапом. К этому сатрапу, в свою очередь, тянулся Кенесары, с ним он и пытался сторговаться по вопросу о признании его ханом Средней Орды. При этом Кенесары ни разу не заикнулся о нуждах и интересах казахского народа. Он хотел только одного: чтобы его признали ханом и вернули ему землю, принадлежавшую его деду Аблаю. В одном из его писем к Перовскому читаем: «Проникнутый благоговением к повелениям и власти великого императора и шагишаха (царя царей), я буду служить ему сердцем и душою везде, где буду находиться, далеко или близко»⁴⁷.

Посылая это письмо Нессельроде, Перовский просил удовлетворить домогательства Кенесары: «Если бы правительство наше нашло нужным в настоящее время упрочить русскую власть над кайсаками, кочующими к востоку от Могодзар, то я полагал бы возможным употребить для сего с пользою султана Кенесару и для поощрения его в этом деле исполнить его прошение»⁴⁸.

Бекмаханов, считая монархическое движение Кенесары прогрессивным, видит эту «прогрессивность» в том, что оно на десять лет отсрочило присоединение Казахстана к России⁴⁹. Во-первых, это утверждение неправильно: Казахстан в значительной части уже был присоединён к России, в том числе Малая и Средняя Орда. Во-вторых, в этом утверждении Бекмаханова явно обнаруживается его отрицательное отношение к факту присоединения Казахстана к России, в то время как на деле оно явилось прогрессивным событием. Отторжение Казахстана от России и возрождение ханской власти неизбежно привели бы не только к изоляции Казахстана от прогрессивного влияния передовой экономики и культуры России, но и усилили бы опасность покорения его соседними феодальными отсталыми государствами — Хивой, Кокандом и Бухарой. При своей экономической и военной отсталости Казахстан был бы расчленён этими государствами, которым, в свою очередь, грозила опасность попасть под ярмо английских колонизаторов. На эту простую истину Бекмаханову указывал в своё время писатель Б. Горбатов в своём докладе «О некоторых проблемах роста казахской советской литературы»: «И уже никак нельзя объявлять национальными героями тех ханов и батыров, которые во имя защиты старых феодальных порядков восставали против того, что было прогрессивным для Казахстана, т. е. против присоединения к России»⁵⁰.

Кенесары Касымов выступал не как прогрессивный деятель и тем более не как вождь казахского народа, а как авантюрист. Он то выступал как друг Хивы, Коканда и

Бухары против России (в 1837—1841 гг.), то продавал свою саблю и своих теленгутов эмиру бухарскому и воевал против Хивы и Коканда на стороне Бухары (в 1842 г.)⁵¹. По определению оренбургского генерал-губернатора Обручева, заменившего Перовского, Средняя Азия представляла собой в 1842 г. сплошной «театр военных действий»⁵². В то время в Средней Азии происходили непрерывные войны и смуты, и активное участие в них принимал Кенесары Касымов. Находясь в союзе с эмиром бухарским Батыр-ханом, Кенесары нападал на хивинские крепости на левом берегу Сыр-Дарьи, оказывал помощь эмиру в завоевании Ташкента и других городов, находившихся в зависимости от кокандского хана. В 1847 г., вытесненный царскими войсками, Кенесары подошёл со своими отрядами теленгутов к китайским границам и предпринял попытку договориться с китайским правительством, намереваясь перейти в Китай. С этой целью он послал к китайскому правительству своего племянника Худайменды и двух биев просить дозволения вступить под покровительство Китая и кочевать на китайских землях. Китайское правительство ответило ему, что «он под покровительство Китая принят быть не может и чтобы обратился туда, откуда пришёл, и просил бы милости белого царя, противу которого китайские власти ни словом, ни делом виновными быть не хотят и беглецов из его подданных принимать не намерены»⁵³.

После этого Кенесары предпринял агрессивную войну против киргизского народа. Бекмаханов считает, что эта реакционная война была якобы спровоцирована царским правительством и киргизскими манапами. Однако Бекмаханов испытывает явные затруднения в своей попытке обелить Кенесары в этой войне, направленной на порабощение киргизского народа.

Кенесары вторгся в Киргизию как захватчик, намереваясь стать киргизским ханом. Киргизский народ отказался признать его своим ханом и дружно выступил против него. Тогда Кенесары начал жестокую расправу над киргизами. Он грабил и сжигал аулы, убивал женщин и детей, бросая их в котлы с кипящей водой. Именно в варварской политике Кенесары и следует искать причину всенародной войны киргизского народа против этого захватчика и угнетателя. Исход этой борьбы решили киргизские народные массы, а не манапы, как утверждает Бекмаханов. Кенесары взял в плен простой киргиз по имени Колча. Женщины-киргизки потребовали отдать Кенесары им на расправу; они отсекли ему голову, а тело разорвали на части. Вместе с Кенесары погибли и все его сторонники и теленгуты.

Таков позорный конец этого «казахстанского Шамиля», как его называет Бекмаханов.

⁴⁷ «Вестник Европы». Т. V, кн. 9-я за сентябрь 1870 г., стр. 65.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См. Е. Бекмаханов. Указ. соч., стр. 335 и др.

⁵⁰ «Литературная газета» от 18 декабря 1948 года.

⁵¹ См. А. Серебряников. Указ. соч. Т. IV, док. 46, 51, 54, 56.

⁵² Там же, док. 47, 70.

⁵³ Там же. Т. V, стр. 276. 1846.

Антинародный, реакционный характер движения Кенесары очевиден. Феодално-монархическое, реакционное движение Кенесары тянуло казахский народ назад, к укреплению патриархально-феодалных устоев, к реставрации ханской власти, к отрыву Казахстана от России и великого русского народа.

Вопреки указаниям И. В. Сталина о том, что историческая наука «должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»⁵⁴, Е. Бекмаханов преподносит читателю под видом истории национально-освободительного движения историю реакционных движений казахских султанов и самозванных ханов. Е. Бекмаханову следовало бы знать указание В. И. Ленина о том, что «марксизм непримирим с национализмом, будь он самый «справедливый», «чистенький», тонкий и цивилизованный»⁵⁵. Буржуазно-националистическая книга Бекмаханова не получила верной оценки у некоторых руководящих работников Казахстана и отдельных историков. Точку зрения Е. Бекмаханова поддерживали такие историки Москвы и Ленинграда, как М. П. Вяткин, А. М. Панкратова, А. П. Кучкин, Н. М. Дружинин, С. В. Бахрушин. Несмотря на протесты большинства историков Казахстана, республиканская газета «Социалистический Казахстан» опубликовала рецензию Жирен-

чина, восхвалявшую эту порочную книгу. На защиту этой порочной книги встал бывший вице-президент Академии наук Казахской ССР Кенеспаев, аракчеевскими методами принуждая коллектив историков отказать от её критического рассмотрения. На защиту националистических взглядов Бекмаханова встал секретарь ЦК КП(б) Казахстана Омаров, противодействуя опубликованию критической статьи на книгу Бекмаханова на страницах «Казахстанской правды».

Лишь в 1949 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 4) была опубликована статья К. Шарипова об итогах дискуссии по поводу книги Е. Бекмаханова, происходившей в 1948 г. в институтах истории Академии наук СССР и Академии наук Казахской ССР. Но и эта статья, по сути дела, не раскрыла феодално-монархический характер движения Кенесары. К. Шарипов пытался примирить две совершенно противоположные точки зрения на движение Кенесары. С одной стороны, он признавал это движение национально-освободительным, а с другой, — представлял Кенесары выразителем интересов класса феодалов. Таким образом, статья К. Шарипова является попыткой оправдать порочную точку зрения Е. Бекмаханова.

Только газета «Правда» по-большевистски поставила и решила вопрос об оценке движения Кенесары как движения феодално-монархического и реакционного⁵⁶.

⁵⁴ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 17.

⁵⁶ См. газету «Правда» от 26 декабря 1950 года.

Январско-февральский кризис 1907 г. в Иране

(Из истории иранской революции 1905—1911 гг.)

М. Иванов

В истории азиатских народов революционизирующую роль сыграла революция 1905—1907 годов в России. «Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»¹, — писал В. И. Ленин в 1908 году.

Под влиянием русской революции 1905 г., пробудившей народы Азии «к борьбе за азбучные права человека, за демократию»², в Иране в 1905—1911 гг. развернулась буржуазная антифеодалная и антиимпериалистическая революция. Европейские империалистические государства, заинтересованные

в дальнейшей эксплуатации Ирана как полуколонии, организовали заговор против революции, оказав поддержку феодалной реакции в Иране. «Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, — указывал В. И. Ленин, — сводится к контрреволюционной коалиции европейских держав против растущего демократизма в Азии»³.

В первый период иранской революции в ней приняли участие наряду с широкими демократическими слоями населения купечество, либеральные помещики и духовенство. В революционном лагере ещё не было размежевания. Либеральное крыло, состоявшее из либеральных помещиков, духовенства и торговой буржуазии, выступало совместно с де-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 198. 4-е издание.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 66.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 199.